В диссертационный совет
24.2.336.02, созданный на базе
Университета имени О.Е.
Кутафина (МГЮА),
125993, г. Москва, ул. Садовая-
Кудринская, д.7. стр. 22

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Володиной Светланы Вячеславовны на тему «Принцип доверия в системе основ конституционного строя Российской Федерации» (Москва, 2026 г., 375 с.), представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).

Доверие – феномен одновременно психологический и политико-правовой. В отечественной науке ему уделяется не так много внимания, а между тем, он имеет решающее значение для стабильного функционирования системы публичной власти в современном обществе. Тем более, соответствующая установка появилась в российской Конституции в результате поправок 2020 года (статья 75.1), что еще заметнее подчеркивает *необходимость и своевременность* доктринального ее осмысления.

В работе поставлена и, как представляется, достигнута соответствующая уровню докторской диссертации цель: «формирование концепции принципа доверия в системе основ конституционного строя России, раскрывающей юридическую природу, содержание, формы осуществления; выявление особенностей реализации принципа доверия в процессе конституционализации российской правовой системы; разработка теоретических положений и практических рекомендаций, направленных на совершенствование российского законодательства в сфере правового регулирования отношений опосредованных действием принципа доверия» (с.

8 автореферата, диссертации). Как данная цель, так и выводы, к которым приходит автор, характеризуются *должной новизной.*

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования, состоит из введения, четырех глав, включающих десять параграфов, заключения и библиографии. *Достоверность* полученных автором результатов определяется внушительной базой источников, на которые он опирался, - как правовых, так и доктринальных, и продуманной логикой исследования. Движение мысли от теоретических идей к нормативному их воплощению, толкованию в решениях Конституционного Суда РФ, а также имплементации в реальном взаимодействии участников конституционно-правовых отношений выглядит разумно.

Одна из ключевых сильных сторон диссертации – это подход, характерный для социологической школы права, к центральной категории работы, доверию. По самой своей сути доверие не могло бы быть исследовано в русле одних только нормативистских установок. Поскольку оно относится к числу внутренних решений человека, принимаемых в рамках работы его сознания, автор справедливо рассматривает его с позиций психологической и социологической науки, прежде чем дать объяснение его конституционно-правового содержания (с. 28-35 диссертации). Регулятивный потенциал доверия в свете этого подчеркнут абсолютно заслуженно.

Вызывает поддержку опора автора при помещении доверия в систему конституционных принципов на позиции, представленные в доктрине Н.А. Богдановой, — это хорошая, обстоятельная школа формирования принципов (в данном случае – принципа доверия) как сущностных образований, определяющих модели правового регулирования и выводящих конституционную теорию на уровень философии права (с. 53-54, 68 диссертации). Заслуживает внимания и просматривающееся в работе стремление учесть многоаспектность принципа доверия. Такой подход позволяет автору уйти от узкого понимания доверия исключительно как лояльности граждан к государству и прийти к более масштабным выводам.

Привлекательными выглядят и некоторые практикоориентированные предложения автора. Это, в частности, относится к рассуждениям автора

относительно смыслов и последствий применения конституционной ценности гражданского мира и согласия как основы для формирования правового доверия. Обсуждение перспектив развития взаимодействия Государственной Думы и Правительства РФ, а также статуса Уполномоченного по правам человека представляют большой интерес, даже если не будут восприняты на практике немедленно, в том числе потому, что потребуют дополнительного осмысления в части соотношения правовой регламентации вопросов ответственности и дискреции законодательного органа (с. 199 диссертации). Ценными представляются и некоторые соображения, связанные с регулированием цифровой среды, особенно те, которые направлены на то, чтобы больший контроль за своими данными сохраняли бы сами их носители, (с. 272-274 диссертации).

Автореферат и опубликованные работы отражают содержание диссертации и позволяют судить о степени полноты, логической последовательности и законченности работы в соответствии с поставленными автором целью и задачами.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что диссертация С.В. Володиной является тщательно подготовленной завершенной научно-исследовательской работой.

Вместе с тем, как и ко всякому серьезному исследованию, к диссертации Володиной С.В. есть некоторые замечания и вопросы, которые могут быть прояснены автором в ходе публичной дискуссии.

1. Один из вопросов связан с методологией исследования. Как показано далее, недочеты в этой области порождают и вполне содержательные вопросы.

   1а. Хотя, как уже отмечалось, в целом избранный (социология права) подход к исследованию верен и выдерживается грамотно, само описание методологии во введении выглядит несколько хаотичным и неточным с точки зрения выделения методологических уровней. Для диссертации уровня докторской более тщательное описание методологии исследования представляется существенным.

1б. Кроме того, вызывает вопросы применение в работе сравнительного метода. Что именно он дает автору? Речь идет о вкладе в построение универсальной теории принципа доверия (тогда почему соответствующие материалы о БРИКС идут в конце работы)? Или о выявлении различных моделей имплементации исследуемого принципа (тогда, возможно, их стоило бы более четко артикулировать)? Или об иллюстративном материале (но точно ли он, хотя и будучи интересным, но больше информационным, нужен в докторской диссертации, а не, например, в издании учебного характера)? Этот же вопрос адресуем и самому началу параграфа первого третьей главы (с. 178-179 диссертации), где приводятся в, скорее, информационном ключе некоторые данные о зарубежных конституциях, в отсутствие объяснения их появления и внятного перехода к РФ немного сбивающие драматургию повествования, поскольку параграф назван «Принцип доверия в конституционной модели взаимодействия Государственной Думы и Правительства Российской Федерации».

1в. Связанный с предыдущим вопрос касается отношения к рассмотренному в работе опыту КНР. Система социального доверия в Китае (社会信用体系) содержит аллюзию на искренность, готовность отвечать за свои действия перед коллективом, и, как справедливо отмечается в литературе (Рувинским Р. и др. авторами), базируется на серьезном философском фундаменте («Совершить ошибку и осознать ее — в этом заключается мудрость. Осознать ошибку и не скрыть ее — это и есть честность», Цзи Юнь). Переносим ли соответствующий опыт в другие страны? Можно ли здесь говорить о «лучших практиках» (с. 325 диссертации)? или только о «лучших для конкретного времени и места»? Не превратятся ли отдельные механизмы, выведенные из контекста китайской социальной среды (о значении которой пишет и сама автор, с. 319-321 диссертации), в средство, не просто меняющие наши представления о доверии, а превращающие его в механизмы достаточно серьезного, чтобы не

сказать агрессивного, контроля? Тем более, насколько меры, ударяющие не только по тем, кто вел себя «небезупречно», но и по их детям (а элементы такой задумки присутствуют в китайских инструментах социального доверия), совместимы с ключевой идеей гражданского мира и справедливости в России?

2. Еще одно замечание связано с объемом исследования. Хотя объять необъятное действительно было бы проблематично, но все же очень заметно, что глава 3 работы называется достаточно широко («Осуществление принципа доверия в системе публичной власти в России»), а при этом внутри нее есть только два параграфа, и посвящены они Государственной Думе и Правительству, а также Уполномоченному по правам человека. Очевидно, названные органы при всей их важности – далеко не вся система публичной власти в России. За рамками рассмотрения в этой главе по не вполне понятной причине остались Президент РФ (поскольку упоминание его «активной роли» во взаимодействии Государственной Думы и Правительства, в том числе при формировании последнего, очевидно не исчерпывает проблематики), суды, а также уровень субъектов РФ и муниципальный уровень. Хочет ли автор сказать, что принцип доверия не применим или не реализуется в их деятельности? (Это едва ли так, если учесть, что во второй главе автора сама анализирует соответствующие позиции КС РФ.) Или что дело не в этом, а просто она была ограничена объемом исследования? С хорошей точностью похожий вопрос может быть адресован и четвертой главе работы. Ее наименование – «Осуществление принципа доверия в институтах гражданского общества России. Зарубежный опыт реализации правового доверия». Даже по названию видно, что в главе соединены разные темы, и по заголовкам не очень понятно, почему зарубежный опыт присоединен именно к сюжету о гражданском обществе, а не, например, публичной власти (хотя при чтении и можно домыслить, что иностранный опыт представлен отдельным параграфом в данной главе, потому что он в значительной степени сфокусирован на

цифровых инструментах). Но кроме того, из гражданского общества тут фигурируют только общественные объединения и цифровая среда, что, опять же, не исчерпывает всех институтов гражданского общества России.

3. Отдельные вопросы вызывают некоторые положения на защиту (что, отметим в скобках, абсолютно естественно, поскольку если бы их не было вовсе, под вопросом была бы новизна исследования, а это явно не так в данном случае).

3а. Хотя самая первая фраза в положениях на защиту («правовое доверие — это рациональная оценка надежности, а не интуитивная», с. 11, автореферата, диссертации) вызывает поддержку (особенно если учесть, что под интуицией очень часто скрывается серия быстрых и неосознаваемых, но тем не менее проведенных мозгом рациональных операций), но вторая («Основывается на наличии институциональных гарантий, носит деперсонализированный характер») не столь ясна, и не выглядит основательно фундированной в работе. Доверие изначально – феномен из области работы сознания; касается отношения к (добропорядочным, правовым) намерениям другого лица или лиц. Может ли оно в принципе носить деперсонализированный характер?

3б. В пятом положении, выносимом на защиту (с. 13 автореферата, диссертации), перечислены статьи Конституции, которые, по мнению автора, составляют конституционную основу принципа доверия. Такое перечисление не может не вызвать вопрос – почему именно эти статьи? Почему не другие? Почему не вся глава 1 и 2 Конституции РФ? Почему не целый ряд положений глав, посвященных функционированию публичной власти в России?

3в. В том же пятом положении сделан акцент на недопустимости «произвольных изменений законодательства». Но что это означает? Чем произвольное изменение законодательства, по мнению автора, отличается от непроизвольного? Предполагается ли тут применение критериев принципа соразмерности ограничения прав (наличие конституционно-значимой цели, пригодности и минимальной

инвазивности применяемых средств, пропорциональности ограничения прав), или имеется в виду что-то другое?

3г.Также не вполне ясно, как по пятому положению на защиту, так и по основному тексту диссертации, что означает фраза «Принцип доверия в среде гражданского общества означает, что гражданин, действуя правомерно, проявляя разумность и добросовестность полагается на адекватные и предсказуемые действия со стороны другого гражданина либо граждан (общественных объединений) не злоупотребляющие правом». Кроме того, что фраза в самом конце, очевидно, нуждается в более тщательной редакции и согласовании по падежу и пунктуации, еще в контексте конституционно-правовой науки необходимо очень четко представлять, что такое «злоупотребление правом». Скажем, взвешенная и аргументированная критика власти и конкретных должностных лиц – это злоупотребление свободой слова, или нормальная часть ее содержания?

3д. Положение шестое, выносимое на защиту (с. 14-15 автореферата, диссертации), выглядит как верное утверждение, но не совсем понятно, в чем именно автор усматривает его новизну и связь со своей темой. Этот же вопрос относится и к достаточно пространному цитированию в основной части работы разных авторов по проблеме того, что есть конституционализм (с. 115–120 диссертации) и конституционализация (с. 120–126 диссертации), поскольку никаких новых утверждений на этой основе в итоге не делается, а практические примеры, которые могли бы в новом свете представить рассматриваемые идеи, иногда заканчиваются не утверждениями автора, а риторическими вопросами к читателю (напр., о ФЗ «О молодежной политике…», с. 133 диссертации).

4. Наконец, последнее замечание связано с некоторой тенденцией, прослеживающейся по работе, – не всегда понятно, как те или иные сюжеты, связаны с темой всей диссертации. Это очень распространенная проблема, когда автору, который, безусловно, глубоко погружен в проблематику, эта связь представляется очевидной, и не требующей постоянных объяснений и

«возвращений к теме». Тем не менее, для читателя это регулярно не так. Например, буквально проблеме доверия применительно к институту Уполномоченного по правам человека в первой части посвященного ему параграфа уделяется не так много места (8 строк на с. 203 диссертации), а дальше (с. 204-219 диссертации) идут отдельные характеристики элементов статуса Уполномоченного, и без специального пояснения остается не всегда ясно, как каждая из называемых характеристик связана с проблемой доверия. Те же пояснения, которые встречаются («доверие, которым наделяется кандидат, назначенный Уполномоченным по правам человека в РФ, имеет односторонний, безотчетный характер», с. 206) сами по себе, скорее, вызывают вопросы, чем отвечают на них. Краткое финализирующее резюме на с. 221 не выглядит достаточным в этом контексте, поскольку оставляет заметный разрыв между ходом рассуждений и итоговым выводом, хотя такой разрыв, безусловно, может быть восполнен должными интеллектуальными усилиями читателя. Тем не менее, вторая часть этого же параграфа про деятельность Уполномоченного (с. 229-233 диссертации) демонстрирует, каким именно образом сама автор могла бы достраивать эту связь, потому в части, где речь идет о взаимоотношениях заявителей и должностного лица, это как раз сделано должным образом и даже не без изящества, с полной фокусировкой на ключевой проблематике. Тем самым и возникает ситуация, когда утверждения не просто звучат, а подкрепляются обоснованиями.

Представленные замечания и вопросы носят дискуссионный характер, могут быть прояснены в ходе публичной защиты, и не снижают общей высокой оценки проведенного исследования.

Таким образом, общий вывод состоит в том, что содержание диссертационного исследования Володиной С.В. соответствует научной специальности 5.1.2. - публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки). Автореферат диссертации соответствует предъявляемым требованиям и отражает основное содержание диссертации.

Диссертация Володиной С.В. представляет собой завершенную научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых

можно квалифицировать как научное достижение в области конституционного права, решена научная проблема, имеющая важное конституционное значение, изложены новые научно обоснованные решения и разработки, внедрения которых вносит значительный вклад в развитие России.

Диссертация на тему «Принцип доверия в системе основ конституционного строя Российской Федерации» полностью соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора юридических наук, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (с изм. и доп.), а ее автор - Володина Светлана Вячеславовна заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по научной специальности 5.1.2. - публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).

Официальный оппонент:

профессор кафедры конституционного и муниципального права федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» доктор юридических наук, профессор

Троицкая А.А.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ПОДПИСЬ Троицкой АА

УДОСТОВЕРЯЮ Тихарева Д.В.

«03» 09 2026 г.

Научная специальность:

12.00.02 Конституционное право; муниципальное право

Контактная информация:

Наименование организации: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова».

Почтовый адрес: 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

Служебный тел.: +7 (499) 706-00-60 (доб. 231, 232)

Адрес электронной почты: const@law.msu.ru

Адрес организации в сети «Интернет»: https://www.msu.ru